

Служил в Дании солдат по имени Ларе: исполнял он королевские приказы ровно восемь лет, и настал срок ему с солдатчиной проститься. Рад был Ларе, что службе конец пришел: ведь кому служба — мать, а кому — мачеха. Неохота только с тощим кошельком домой возвращаться. Считали, прикидывали, а больше трех скиллингов солдату в расчет никак не выходило. Этакая малость за восемь лет службы! Спасибо, хоть отдали ему те скиллинги сразу. А то, бывало, покуда солдатские кровные денежки получишь, с ног собьешься.

«Ладно, хоть так обошлось!» — подумал Ларе и отправился в путь.

Веселый малый был солдат! Идет, палкой помахивает, песенки распевает. А навстречу ему старушонка убогая; горько-горько так плачет, на нужду свою жалуется.

— Не подашь ли, служивый, скиллинг? — спрашивает старушонка.

— Отчего не подать! — говорит солдат. — У меня и всего-то три скиллинга, а два ли, три ли — все одно. Нет денег — и это не деньги. Может, хоть тебе мой скиллинг пригодится.

Немного погодя повстречалась ему другая старушка, да такая сгорбленная, что голова книзу клонится и лица никак не разглядеть; горько-горько так плачет, долю свою проклиная и молит слезно:

— Не подашь ли, служивый, скиллинг?

— Ладно, — говорит солдат. — У меня два скиллинга, а у тебя ни одного; коли дам тебе один, мы богатством сравняемся. Бери на здоровье!

Отдал он ей половину своих денег и дальше пошел; легко у солдата на душе и легко в кармане. Идет, песенки распевает.

Немного погодя повстречалась ему третья старушка; горько-горько так плачет, милостыню просит:

— Не подашь ли, служивый, скиллинг?

Усмехнулся солдат и отдал ей последний скиллинг.

— На, бери! У меня всего-то один скиллинг; а есть он, нет ли — разница невелика. В кошельке у меня ветер гуляет, теперь уж никому помочь не смогу.

Пошел солдат дальше — веселый-превеселый. И добра-то у него теперь осталось — только старая одежда, что на нем, да ранец за спиной. В ранце том рваная рубаха да пара дырявых носков. Правда, была у него еще пачка жевательного табака.

Идет солдат, солнцу и теплу радуется, табак жует, палкой помахивает, песенки распевает, да так звонко, что отголоски далеко по холмам разносятся.

Входит Ларе в лес и видит: сидит на камне старушонка, отдыхает, видно. А камень-то огромный-преогромный.

— Садись, служивый, потолкуем, — говорит старушка. — Довелось нам с тобою и раньше трижды встречаться, да ты всякий раз так торопился, что мы и словечком с тобой не перемолвились.

— А, так это ты все мои скиллинги выманила! Ну да на здоровье! Не зря они тебе достались. Пришлось небось побегать! Прыткая ты, что правда, то правда! А потолковать я с тобой не прочь! Чего тебе надо?

Уселся Ларе на камень рядом со старушкой, посмотрела она на него и говорит:

— Загадай три желания!

Почесал солдат в затылке.

— Что б такое загадать? Ну, это проще простого! Хочу я жить с людьми в мире и дружбе, без этого

не быть человеку счастливым. А еще хочу, чтоб ранцу моему никогда износу не было -денег на новый мне все равно не раздобыть.

— Загадай последнее желание! — сказала старушка.

И Ларе загадал:

— Пускай, чего ни пожелаю, мигом попадет в мой ранец, а захочу -пусть ранец снова пустой будет.

— Сбудутся твои желания. Счастливого пути! — проговорила старушка и вдруг пропала, будто сквозь землю провалилась.

«Куда она подевалась? — подумал солдат. — Ну, да не моего это ума дело!»

Поднялся он и снова тронулся в путь, но, на беду, споткнулся о камень, на котором сидел вместе со старушкой. Рассердился Ларе, помянул черта и пожелал: «Ну-ка, камень, ступай ко мне в ранец!»

А камень скок-поскок — и уж лежит в его ранце.

Но был тот камень такой огромный да тяжелый, что потянул Ларса книзу. Опрокинулся солдат через голову и покатился по земле. Катится он, катится, синяки и шишки набивает! Натолкнулся, к счастью, на кряжистое дерево и остановился.

Отдышался солдат -уф-уф! -и прищурил глаз. Смекнул наконец: «Старушка-то, видно, не зря болтала — дело, выходит, серьезное. Вот так здорово! Только я загадал, а камень уж в ранце лежит».

Пожелал Ларе от камня избавиться, и камень — скок-поскок — выпрыгнул из ранца.

Пошел солдат дальше, веселый-превеселый. Только вдруг у него под ложечкой засосало, проголодался служивый: уж очень долго шел он в тот день.

Видит Ларе: стоит у дороги помещичья усадьба. И надумал он зайти туда хлеба ломоть попросить. Так и сделал. Заходит на поварню, а повариха как раз хлеб нарезает и маслом ломти намазывает.

— Не найдется ли мне хлеба ломоть? — спрашивает солдат.

— Найдись-то найдется, — говорит повариха, — да только в этом доме всякий кусок на счету. Несдобровать мне, коли даже самой малости недосчитаются.

— Дом-то господский, а обиход, видать, сиротский! — сказал солдат.

— Твоя правда! — говорит повариха. — А может, тебе к помещику зайти? Потолкуй с ним, глядишь — покормить велит! Бывают же чудеса на свете. Он у себя в горнице сидит. Как выйдешь за дверь, так иди все прямо.

— Спасибо за совет! — поблагодарил повариху солдат и пошел к помещику.

А тот как раз деньги свои считает. Видит солдат: стоит на столе глиняный горшок, из тех, что в Ютландии делают, и в нем полным-полно золотых дукатов, а на полу — сундук железный, и в нем далеров серебряных не счесть сколько!

— Ну, какой за тобой должок? — спрашивает помещик. Он и не взглянул на солдата, думал, кто-то из издольщиков плату принес.

— Ни долгов, ни денег у меня не водится. А вот велишь меня накормить — спасибо будет за мной,- говорит солдат.

Помещик аж покраснел — не привык он, чтоб его о чем-нибудь за спасибо просили. Спасибо-то в карман не положишь и шубу из него не сошьешь! Замахал он на солдата руками, затопал ногами и

кричит:

— Вон со двора!

Стал Ларе по стойке «смирно», сам себе скомандовав «На-а-пра-во!» — повернулся и солдатским шагом марш со двора.

Шел он, шел, а потом, ухмыльнувшись, говорит:

— Ну-ка, золотые дукаты, прыг ко мне в ранец!

Фь-ю-ю-ють! — и уже лежат в солдатском ранце золоты дукаты из ютландского горшка.

«Так! — подумал солдат. — Не худо бы и серебром раз житься, золотом только хвастуны расплачиваются».

— Ну-ка, серебряные далеры, прыг ко мне в ранец! Да столько, чтоб унести под силу было. Лишнего мне не надо!

Фь-ю-ю-ють! — и уже лежат в солдатском ранце серебряные далеры из помещичьего сундука.

Стал ранец тяжелый-претяжелый, а все равно полегче полной походной выкладки, к которой на службе привык солдат.

Отправился Ларе дальше; идет, песенки распевает. Пришел он под вечер в небольшой городок, постучался в дверь самого что ни на есть богатого постоялого двора и попросил еды и питья. Стал Ларе за обе щеки ужин уписывать. А с ним за столом важные господа сидят. Вот и давай они над простым солдатом потешаться. Смешно им, как он на еду налегает.

Поел солдат и стал карманы выворачивать: сначала один — пустой и рваный, потом другой. А там, кроме початой пачки табаку, хоть шаром покати. Тут уж господа со смеху животы надорвали.

— И на старуху бывает проруха,- говорит один из них.- Знатный граф тоже, случается, дома деньги забывает, только жадность всегда при нем.

А солдат будто и не слышит. Кладет он на стол ранец, раскрывает его и внутрь заглядывает. А господа еще пуще хохочут, за животы хватаются. Только хозяину не до смеха. Смотрит он на Ларса волком, боится — не заплатит ему солдат. А солдат будто и не видит его опасений. Достает он пригоршню дукатов, швыряет на стол и говорит:

— Сдачи не надо!

Вытаращили тут важные господа глаза, слова вымолвить не могут, точно им рты позатыкали.

А хозяин заулыбался, Ларсу кланяется. Приказал он бутылку вина принести в награду за щедрость.

— Не найдется ли у тебя горницы переночевать? — спрашивает Ларе.

— Горницы все постояльцами заняты,- говорит хозяин,- одна только пустая стоит, да ночевать в ней нельзя. Кто там заночует, тут же ночью помирает. Я как стал хозяином, никого туда не пускаю, горница у меня на запоре.

— Самая подходящая для меня квартира! — сказал солдат.- Прибери там хорошенько, стол накрой к ужину. Не забудь принести четыре бутылки вина и четыре свечи поставить да положи четыре колоды карт, а как все сделаешь- неси мне ключ от горницы.

Мялся хозяин, мялся, а потом и говорит:

— Мое дело остеречь, а коли ты, господин, все равно там ночевать хочешь, что ж, воля твоя!

Пришло время спать ложиться. Отправился солдат в страшную горницу. Высыпал он из ранца на

стол все золотые дукаты и серебряные далеры, зажег четыре свечи, открыл четыре бутылки вина к ужину, о котором позаботился хозяин, проверил четыре колоды карт. Положил Ларе ранец на пол, уселся за стол и ждет, что дальше будет.

Немного погодя как затрещит в печке огонь, как печка подпрыгнет! Отскочила дверца, заколыхалось пламя — и вывалился на пол черный клубок. Разматывался тот клубок, разматывался, рос, рос, покуда не обернулся огромным черным чертом с рожками, хвостом и клыками. И страшен же был тот черт! Вместо ногтей у него — когти звериные.

— Добро пожаловать, друг любезный! — спокойно и ласково говорит солдат.- Садись к столу да подкрепишь маленько.

Не успел он речь свою кончить, огонь опять как затрещит, печка как подпрыгнет! Отскочила дверца, заколыхалось пламя — и выкатился на пол другой черный клубок. Обернулся тот клубок таким же огромным черным чертом. А за ним и третий черт тут как тут. Кувыркаются на полу трое черных чертей. Солдат ласково со всеми тремя разговаривает, к столу просит и вином угощает.

Наелись черти, напились. Ларе их спрашивает:

— Не перекинуться ли нам в картишки?

Завизжали черти от радости и давай с солдатом в карты играть. Играют они, играют, а сами потихоньку к солдату подбираются, когти в него запускают.

— Эге! -говорит солдат. — Неплохо с дружкой в картишки играть, да когти в него ни к чему запустать! А ну полезайте ко мне в ранец!

Фью-ю-ють! — и уже сидят в солдатском ранце три черта. Как они там ни барахтались, как ни визжали, как ранец ни когтили — все зря. Ведь ранцу тому износу не было.

— Сидите, покуда не выпущу! — приказал солдат. — Теперь и потолковать с вами можно. И время быстрее пройдет! Чего это вы сюда в горницу повадились? Что вам здесь надо?

— Тут за печкой пивной котел с золотом стоит. Вот мы его и караулим, — сознались черти.

— Всего-то и дела! Стоит из-за денег честных людей в страхе держать! — подивился солдат.

Стали тут черти скулить: молят солдата на волю их выпустить. А Ларе и ухом не ведет. Скинул сапоги, улегся в постель и крепко заснул.

Рано поутру пришел хозяин и заглянул в замочную скважину. Так и есть: лежит Ларе и, похоже, не дышит — видно, мертвый. Стал тут хозяин бить-колотить в дверь.

Проснулся солдат, помянул черта и кричит:

— Чего надо? За ночлег заплачено, а спать не дают!

Убрался хозяин — рад-радешенек, хоть не очень ласково обошелся с ним Ларе. Солдат-то в живых остался! Вот счастье привалило! Нашелся неробкий человек — никакое колдовство ему не страшно!

Выспался Ларе и пошел к хозяину. А тот уже его поджидает. Не терпится ему послушать, что да как!

Но из солдата ничего не вытянешь. Сказал только, что спал, дескать, сладко, а теперь не худо бы позавтракать.

Хозяин пред Ларсом травой стелется; чего только на стол не ставит — ешь сколько хочешь. Солдат ел-ел, все, что на столе было, съел и спрашивает:

— Не найдется ли в городе двух дюжих парней?

— Как не найтись! — отвечает хозяин.

— Ну так зови их сюда, — говорит Ларе, — да гляди, чтоб были самые что ни на есть дюжие. Работенка их ждет нелегкая.

— Какая такая работенка? — любопытствует хозяин.

— Надо ранец мой к кузнецу стащить, пусть из него пыль повыколочит. Для этого дюжие парни и требуются, не всякому под силу такой ранец поднять.

«Не иначе, рехнулся, — подумал хозяин.- А может, из него еще вчерашний хмель не выветрился?»

Но перечить Ларсу не стал: платил солдат исправно, не скупясь.

— Ладно,- обещает хозяин, — приведу тебе двух дюжих парней, останешься доволен.

Послал он мальчишку в город, и тот привел двух здоровенных молодцов.

Оглядел их Ларе и спрашивает:

— Хотите по серебряному далеру на брата заработать?

Стащите этот ранец к кузнецу, пусть из него пыль повыколочит.

Переглянулись парни и думают: «Везет же нам! Шальные, видать, у него деньги. Работа-то пустяковая!»

Взялись они за ранец, хотят поднять его, да не тут-то было. Еле-еле от пола оторвали!

С охами и вздохами вытащили силачи ранец из дому. Идут, потом обливаются; покуда до кузницы добрались, семь раз останавливались дух перевести.

Хозяин постоялого двора вместе с ними идет. Объясняет он кузнецу: остановился-де у него один денежный человек. И желает, чтоб кузнец пыль из его ранца выколочил. Человек этот то ли рехнулся, то ли под хмельком еще со вчерашнего, но перечить ему не стоит: платит он не скупясь.

Подошел тут солдат и спрашивает:

— Сколько за работу возьмешь?

— Далера два-три,- отвечает кузнец.

— Смотри, продешевишь,- говорит солдат.- За такую работу не меньше пяти далеров брать надо. Но уж чтоб выколочено было на совесть.

— А как же иначе? За такие-то деньги! Пылинки в твоём ранце не останется, — обрадовался кузнец. — Только вот останется ли что от ранца под нашими молотами?

— Уж это не твоя забота! Молотите, сил не жалеите!

Два силача ранец на наковальню едва взвалили, а кузнец трех подмастерьев приставил пыль из него выколачивать.

То-то было веселье! Такой потехи в здешних краях не видывали.

Засучили рукава молодцы, поплевали на ладони — да как размахнутся, как ударят молотами по ранцу! Поднялся тут такой визг и вой, что у подмастерьев молоты из рук от страху попадали. Стоят, на ранец уставились, слова вымолвить не могут.

— Не бойтесь,- говорит солдат,- это кожа у ранца усохла, вот он и скрипит, будто кто воет. Скоро

вою конец придет.

Опять взялись подмастерья за работу. Бьют, молотят — пот с них ручьями льет. Думали они поначалу, что от чертова ранца ничего не останется. Как бы не так! Молотили они, молотили, а ранец все такой же, как и был.

Солдат одно твердит:

— Сил не жалейте! Вы и половины дела не сделали!

Пыли в ранце накопилось немало. Ведь по каким только дорогам я его не таскал, и на войне он со мной побывал.

С трех смешливых подмастерьев семь потов сошло, обессилели они вконец и молоты из рук выпустили. Позвал кузнец трех новых молодцов. Взялись они со свежими силами за работу — и давай ранец молотами гвоздить. А он по-прежнему целехонек. «Видно, ранец этот тролль заколдовал»,- подумали они. Глядят — ранец железом окован. И надумали подмастерья железо молотом бить. И не такое им сгибать приходилось! Но и железо не поддается, хоть умри! Обессилели они и молоты выронили. А ранец лежит на наковальне все такой же, как был.

— Хватит, пожалуй,- говорит солдат.

Заплатил он кузнецу пять далеров, еще один дал в придачу и наказал силачам тащить ранец к реке.

Притащили молодцы ранец к реке, открыл его Ларе, глядь — а в нем черной трухи полным-полно, и несет от той трухи серой. Это трех чертей кузнечные молоты в труху истерли. Высыпал солдат труху в реку, вздулись, почернели ее воды. Понеслась черная река на сотни миль к Северному морю. Влились черные воды в синее море, и поплыла по морю грязная пена.

Минула неделя, очистились река и море, снова стали синими, прозрачными.

А что было с солдатом?

Воротился Ларе на постоянный двор вместе с хозяином и рассказал ему, что в страшной горнице за печкой котел с золотом спрятан.

Отодвинули они печку от стенки, выломали кирпичи, а там, и вправду, пивной котел стоит. И набит он до самого верха золотом.

Солдат, ясное дело, поделился с хозяином, отдал ему добрую половину. А хозяин на радостях, да еще за то, что Ларе всю округу от страха избавил, подарил ему сад.

Построил солдат в том саду дом и зажил припеваючи. А как же иначе: был он человеком и добрым, и честным, и не робкого десятка. И еще: жил он с людьми в мире и дружбе — без этого человеку счастья не бывает.